

Концепция государственного управления Юсуфа Баласагуни

Жетписбаева Б. А.

Проблемы государственного строительства и управления издревле являются объектом интеллектуальных и научных размышлений и рефлексий. Многие выдающиеся деятели мира посвящали этому феномену немало времени, энергии, труда, чтобы найти, скажем так, «корень» проблематики, создавая различного рода доктрины, концепции, мировоззренческие парадигмы, прилагая большие силы для их воплощения в жизнь. Не будет преувеличением, если подчеркнем, что все значительные эпохи истории человечества отмечены поисками оптимальных путей и способов обустройства социума, реализации великой мечты – построения города Солнца. Вся утопическая литература прошлых лет пронизана стремлением претворить данную мечту, преподнести людям благо, создав идеальное государство, которое фундаментировалось бы, естественно, на эффективных методах управления.

Как пишут исследователи, «начиная от древнегреческих философов Платона, Аристотеля и восточных мудрецов средневековья аль-Фараби, Ибн Сины, Фирдоуси, Низами, Ю. Баласагуни, Навои до мыслителей нового времени Т. Мора, Т. Кампанелло, Ф. Бэкона, Сирано де Бержерака, Ф. Рабле, Дидро и великого Абая, пролегает траектория поисков путей реализации благородной идеи строительства разумного государства, где народы в полной мере могли бы воплотить созидательные потенции, возводя благие принципы и критерии во главу угла своего существования. Но утопия остается утопией, недаром расшифровка ее: *у* – нет, *topos* – место, гласит нам о ее несостоятельности, нереальности» [1, с. 5]. И все же, следует признать, что утопия оказала определенное благотворное воздействие на последующую взыскующую мысль. Непрерывные изыскания в области философии, права, политологии позволили сделать блестящие открытия в аспекте созидания и реконструкции более совершенных в мире социально-политических систем. Но надо, видимо, подчеркнуть, что в этом направлении неуклонно пульсировала и творческая мысль. В контексте художественного творчества были созданы как прозаические, так и поэтические произведения, сюжетики которых была основана на идее государствообразования. Так, уже во II веке до н. э. период эллинизма ознаменовался появлением первого фантастического романа Ямбула об Острове Совершенства, жители которого строили свое бытие на принципах всеобщего равенства и братства. И в эту же эпоху миру даруется интеллектуальная новация, активно подхваченная последующими мыслителями, а именно: идея о руководстве государствами особого свойства лидерами, так называемыми «разумными» – учеными-философами, создающими законы, нацеленные на благоустройство общества и страны.

Примечательно, что эта идея особое развитие получила в период расцвета арабо-мусульманской цивилизации. Царь-философ как строитель идеального государства предстанет в ипостаси центрального образа в классической поэзии Востока, в поэмах восточных гениев Фирдоуси, Низами, Дехлеви, Джами, Навои. В качестве прототипа мудрого философа-владыки они изберут личность Александра Македонского, или Искандера Зулкарнайна, как прозван он был на Востоке. Завоеватель, мудрец, справедливый правитель и пророк – вот свойственные данному персонажу качества, которые преобразуют его в «носителя света разума» и одновременно – в воплощение «града божьего» в душе человека.

Как показывает диахронное движение восточной художественной мысли, особую дань этой тематике – тематике построения идеального государства и идеального управления – отдал также выдающийся тюркский поэт, философ, ученый-энциклопедист, государственный деятель XI века Юсуф Басагуни (по-казахски – Жүсіп Баласағұн либо просто Баласа), автор ряда научных трудов и поэтических произведений, но до наших дней дошла единственная его поэма «Кутадгу билиг» («Құтты білік» – на казахском, «Благодатное знание» – на русском языке), прославившая его на века.

К сожалению, наша наука располагает только теми сведениями о биографии Юсуфа Баласагуни, которые крупинками разбросаны в различных частях поэмы: в двух предисловиях, написанных в стихах и в прозе и введенных в его структуру, как предполагается, последующими переписчиками.

ми, а также в трех завершающих главах. Исходя из этих данных, можно установить, что поэт родился предположительно в 1015–1016 гг. в столице тюркского государства Караханидов – в городе Баласагун (иное его название – Кузорда). Точное месторасположение города ныне невозможно определить с максимальной точностью, но, по мнению В. В. Бартольда, находился он, вероятно, в Семиречье на побережье реки Чу, неподалеку от современного города Токмак. Согласно традиции тех времен, аналогично тому, как Абу Наср, его предшественник, гениальный ученый-мыслитель рубежа IX–X вв. получил нисбу аль-Фараби, что означает из города Фараб, Юсуф наделяется нисбой «Баласагуни» – из города Баласагун.

Как сообщает сам Юсуф Баласагуни, поэму «Кутадгу билиг» он написал за довольно короткий срок – восемнадцать месяцев в 462 году хиджры, по современному летоисчислению – в 1070 году, в весьма зрелом возрасте – в лет пятьдесят или, как предполагают исследователи, пятьдесят четыре. Во всяком случае сам он в присущей для себя образной манере пишет: А мне пятьдесят, и немолод я телом,/ Был вороном черным, стал лебедем белым [2].

Это собственноручное свидетельство о возрасте поэта и позволяет ученым датировать время его рождения 1015–1016 годами. По окончании поэмы Юсуф Баласагуни, следуя опять-таки традиции тех лет, преподносит ее в дар правителю страны Табгач Кара Богра хану, который, получив огромное наслаждение от прочитанного, возвышает поэта, наделяя его статусом «хасс хаджиб», что тождественно званию «великого везира» или современному чину «государственного советника». Не случайно хан приближает поэта в качестве хасс хаджиба к государственным делам и управлению. Поэма красноречиво раскрывает все грани таланта Юсуфа Баласагуни, его поистине энциклопедические познания, компетентность во всех сферах жизнедеятельности общества. Он превосходно осведомлен в вопросах государственного управления, юриспруденции, религии, астрономии, военного дела, морали, воспитания, различных областях науки, ремеслах и т. д. Судя по всему, он был настоящим кладом знаний и подлинной сути интеллигентом, за эти качества столь высоко ценит его глава государства, сам глубоко просвещенный человек, и привлекает к государственной деятельности – решению проблем государственного масштаба. Потому его часто именуют Юсуф Хасс Хаджиб Баласагуни, добавляя к этому высокому придворному званию слово «улуг» – «великий»: улуг хасс хаджиб. Сам же поэт, отмечая, что ноша деятеля, следующего стезею служения отечеству, нелегка, подчеркивает: Все знать и радеть обо всем до конца/ Великий хаджиб должен в поте лица. / И если подумать, суть дел разумея,/ Служенье хаджиба – всех служб тяжелее.

Десять незаменимых качеств должны быть присущи хаджибу и в особенности тому, «кто быть всем хаджибам главою пригоден» – хасс хаджибу. Юсуф Баласагуни настоятельно советует обладателю этого звания опираться в своей деятельности именно на эти качества: Хаджиб должен десять достоинств иметь: / И оком, и слухом, и сердцем владеть,/ Быть мудрым и статным, красивым и ладным, / Разумным и мудрым, и делу – радеть!» – и тогда несомненен позитивный результат.

Юсуф максимально соответствовал этим критериям: он органично сочетал в себе талант, интеллект, жизненный опыт и десять перечисленных достоинств, позволившие ему блестящим образом реализовать себя в качестве администратора, ученого и поэта-философа – автора поэтического памятника, возвеличившего его на века.

Поэма в свое время получила мировое признание, и об этом имеется авторское свидетельство. Поэма была известна во всех активно функционировавших в то время государствах и каждом из них ей было дано свое название: так, в арабских странах книгу называли «Зийнатул-умаро» («Украшение властителей»), в Иране – «Шахноме туркий» («Шахнаме тюрков»), в стране Чин (Северный Китай) – «Адабул мулик» («Свод благочиний»), в стране Мачин (Южный Китай) «Айнкул мамлакат» («Радетель держав»), в Туране – «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Все эти названия отражают единодушие во мнении о том, что поэма глубоко и всесторонне раскрывает одну из важнейших проблем общественного устройства – искусство управления таким сложнейшим механизмом, как государство. Не случайно поэтому: Владыки Востока и беки Мачина, /И все мудрецы в этом мире – едино/ Почли эту книгу своим достоянием – / Хранили в казне ее с ревностным тщанием. / Дарили ее по наследству – заветом,/ От всех посторонних держа под запретом.

В поэме также содержится сведение о том, что данное произведение – первая книга, написанная на тюркском языке, что автору удалось «приручить» его, сделать полезным народу. И это тоже

соответствует истине, поскольку в то время весь среднеазиатский регион был охвачен массовой арабизацией и тюркскому языку как следствие не оказалось места под солнцем. Поэт, пользуясь наступившими позднее политическими переменами в стране, прорывает языковую блокаду и предоставляет миру один из первых и совершенных образцов тюркского литературного языка, посредством которого воплощает в поэтической форме собственную концепцию добродетельного государства и способов искусного управления. Таковая концепция в эту эпоху была необходима, так как государство испытывало неимоверные трудности, раздираемая междоусобицей, социальными конфликтами, притязаниями арабского халифата. Твердый и мужественный голос поэта, поэта-патриота, осененного гениальным «всеведением», служил верным ориентиром для правителей и управленцев того времени.

В этой связи следует также указать, что часто поэму «Благодатное знание» относят к разряду дидактических произведений, задача которых состоит в поучении, в воспитании высоких нравственных качеств. Подобного рода жанр был сформирован в древнейшие времена и имел широкое распространение среди египетских, индийских, арабских, персидских народов. Считается, что «Кутадгу билиг» является продолжением этой прочно устоявшейся традиции. Но, безусловно, правы те исследователи, которые противятся ограничивать поэму рамками сугубо назидательного жанра, моралитэ, «княжьих зеркал». Они уверены в том, что ее идейный план значительно превышает внутреннюю установку назидания. Автор движим стремлением вскрыть пути наилучшей, оптимальной организации государственности как социально-политической структуры высшего уровня. А такая проблематика никогда не может быть замкнута границами лишь дидактического жанра, она всегда решается в философском ключе. Поэтому поэма являет собой синтез, симбиоз философско-дидактического произведения, в контексте которого превосходным поэтическим языком изложено, повторим вновь, учение средневекового поэта об искусстве управления государством и воспитании совершенного носителя власти, а также добродетельного гражданина, члена общества, соответствующего идеальным нормам совместного человеческого бытия. Основополагающая идея произведения знаково выразилась уже в его названии, состоящей из двух семантически колоритных лексем – «кут» («счастье») и «билиг» («знание»). Исследователи предлагали различные варианты в расшифровке его названия, но все сходились при этом в фокусе единого мнения: в необходимости расширенного, глубокого понимания семантики, смысла данных слов. Если одни из них акцентировали авторскую идею о непреходящем значении знания и образования в сотворении счастливого образа жизни и переводили название поэмы как «Знание, приносящее счастье», «Наука быть счастливым», «Знание, делающее счастливым», то другие подчеркивали более широкое, «государственное» значение этих категорий, высказывая предположение, что «Кутадгу билиг» может означать «Науку об управлении», «Осчастливливающее управление», «Знание, образующее царей». И это закономерно, поскольку и первый, и второй варианты названия содержат в ядре одну, единоецелостную идею: только знания, просвещенность позволяют создать человеку образцовое государство, и только в таком государстве народы будут жить в счастье и мире, только знания, разум направят его стезею достойного существования. Самым удачным и ныне общепринятым является перевод названия «Благодатное знание».

Концепция мудрого и счастливого правления фундаментируется в поэме на четырех универсальных принципах, концептах, воплощаемых образами четырех главных героев: правителя-элика Кюнтогды (в буквальном переводе означающее «Взошедшее солнце») как символа справедливости, справедливого закона; хасс хаджиба Айтолды (букв. «Полная Луна») – олицетворения счастья и мудрости, чья деятельность во благо народа приносит последнему мир и покой; сына его Огдюльмиша, призванного выразить высшие критерии Разума, Ума, полагаясь на которые он продолжает дело своего отца Айтолды, способствуя процветанию страны и народа; Одгурмыша – отшельника, сообразно своему имени, означающего непрехотливость, непритязательность, довольство малым; отстранившись от мирской суеты, проповедуя принципы аскезы, он живет в поиске Бога – основной цели суфийской самореализации духа, суфийского пути: философия суфизма в ту эпоху получает наивысший подъем развития. Основываясь непременно на этих четырех принципах – справедливости, счастье, разуме, непритязательности, – следует строить, по мысли поэта, совершенное государство, и если счастье и непрехотливость не вечны, изменчивы в этом мире (поэтому Айтолды и Одгурмыш умирают в поэме), то справедливость и разум – обязательные и вечные параметры, надежная платформа в созидании идеального социума.

Создавая свою этико-онтологическую концепцию, основанную на классической теории ценностей, Юсуф Баласагуни, как верно замечено, синтезировал в ней достижения мусульманской средневековой онтологии, перипатетической теории познания, конфуцианства, буддизма, философии родного народа. Все эти открытия и традиции мирового разума, глубоко и творчески усвоенные и проработанные им, «пропущенные через себя», были опозитизированы им, органично контактированы и модифицированы в стройную философско-художественную форму. Поэма «Кутадгу билиг» стала своеобразной энциклопедией Ума, величия духа. Поэт применил инновационный подход в художественной манифестации четырех «непреходяще ценных сутей», разрушив укорененный в контексте жанра «княжских зеркал» схематизм, и наделил главных героев, хотя и в весьма умеренных пропорциях, чертами живых, реальных людей. Обитая в пространстве иерархически высших сфер человеческого бытия, они, сходясь друг с другом, горячо и искренне рассуждают, спорят о Боге и благе, добре и счастье, о смысле жизни и первопричине возникновения сущего, справедливости и разуме и прочих ценностях человеческой экзистенции, пытаясь дойти до сути, выяснить их сущность и естество. При этом образ каждого героя поэт обогащает, акцентируя читательское внимание, теми качествами, что считал первостепенно важными и необходимыми для полноценного воплощения своей концепции о науке управления. Рассмотрим вкратце подлинный смысл образа каждого героя.

Главный герой, стимулирующий сложную рефлексивную систему поэмы, – Кюнтогды элик. Отметим, что при выборе имен своих персонажей поэт опирается на традиционный в тюркской среде обычай специфицировать их необычными значениями, сообразно природе и назначению героев. Имя Кюнтогды, мы уже отмечали, производно от двух слов «Кюн» («Солнце») и «тогды» («взошло»). Иного имени для Элика («правителя») Юсуф и не стал бы искать, ибо именно оно в полной мере выражает возложенную на него идею: «Кюн» – «солнце» – символ Неба, Тенгри, детерминирует своей функцией божественную избранность Элика, его царскую харизму – «кут», правомерность вершить судьбами народов. Аналогично тому, как Солнце восходит и живительными лучами согревает землю, питая ее животворящими соками, Кюнтогды своими мудрым и справедливым, основанным на законах правления обеспечивает благоденствие своей страны.

Сегодня, Элик, ты как светоч горишь,
а свет твой другим предназначен, услышь, –
подчеркивает Юсуф Баласагуни и в последующем устами самого Элика раскрывает семантический код имени «Кюнтогды»: Деянья мои на светило похожи:/ Моя справедливость немеркнуща тоже. / Как Солнцу со дня сотворения дано / Светить для людей – и не меркнет оно! / Так я и закон мой не знаем предела, / И дар для людей – мое слово и дело.

Как видим, аналогия главного героя с солнцем позволяет поэту выразить свое представление о государ-ственном деятеле высшего ранга максимально образно и глубинно, логически обосновать тезис об онтологизме принципов справедливости и законности в организации человеческого общежития. А это в свою очередь позволяет логизировать идею о бессмертии самого героя: Как солнце, незыблема сущность моя:/ Сияю всегда неизменно и я!

В главе «О главном лице сего сказания – Элике Кюнтогды, чье свойство – Справедливость» поэт рисует героя в этом ключе: он – достойная своего сана и предназначения личность, исполнение своего долга, миссии для него – превыше всего. При этом методы, избираемые им для управления страной, успешны, результативны, ибо: Всех мудрых к себе он призвал на порог,/ Всех умных возвысил и к делу привлек. / Дурных он карал справедливой рукой, / Негожих – от дел отправлял на покой. Закон и справедливость – вот альфа и омега его правления и не удивительно, что он окружен аурой всенародного уважения и любви. Юсуф Баласагуни вовсе не против того, чтобы такой государь правил продолжительное время, главное условие – чтобы он не сходил с этого пути, не изменял таким ценностям, как справедливость и законность.

Однако правитель, по мысли поэта, отнюдь не должен являться в лике только справедливого, только мудрого и по необходимости сурового блюстителя порядка. Главе народа, элику, необходима, как воздух, человечность, находящаяся порой в регистре дефицитных качеств, человечность – основа счастья и добра. Поэт убежден:

И счастлив достойный властитель, пойми,
Когда человечно он правит людьми, –
Дает справедливость и славу и честь,

По сути она человечность и есть.

Не люди редки, человечность редка,

Людей справедливых не много пока.

Лишенное человечности, чувства человеколюбия тупое и ограниченное должностное лицо всегда вызывает отвращение, его притязания на результативную социальную деятельность бесплодны и никчемны, он не приносит блага своему окружению, в том числе и самому себе, ибо осознавая презрительное к себе отношение людей, он пытается, совершая недостойные поступки, избавиться от чувства ущербности, сам того иногда не понимая. И совсем иначе изображен Кюнтогды элик: он – как солнце, всегда в зените, он полон добросердечия, умен и справедлив, благодатные лучи его деятельности достигают всех и каждого.

Согласно воззрению Юсуфа, правитель счастлив, он на вершине своих возможностей лишь тогда, когда счастлив его народ, когда в созданном им благословенном краю парадоксально мирно уживаются волк и овца. Этот традиционный символ утопической литературы: волк и овца, пьющие вместе воду у одного источника, находит свое применение и у Юсуфа Баласагунского, предельно обнажая позитивную суть деятельности Элика. Во всех интенциях героя, словесных, событийных, деловых, подчеркиваются его всесторонняя образованность, философский взгляд, справедливость и человеколюбие, благодаря которым ему удается построить в своих обширных владениях идеальное государство, а себя утвердить в качестве идеала справедливого царя, справедливого властителя.

Но государство, населенное добродетельными гражданами, невозможно создать руками одного человека, если даже он идеален и наделен божественной харизмой. Ему требуются помощники, сподвижники, которые имели бы свойство бескорыстно служить своему народу. Подобного рода мировоззренческая позиция среди тюрков также слагалась на протяжении многих веков. Советник или, как называет его Юсуф, хасс хаджиб – незаменимое лицо в аппарате государства, первый помощник всенародного правителя, однако не всякий государственный деятель способен проявить и воплотить важнейшие функции и обязанности этого работника, соответствовать критериям (вышеуказанным) хасс хаджиба. В образе же Айтолды, второго по рангу человека в государстве, претворен идеальный облик советника, неутомимого деятеля, устремленного без остатка служить высшей цели – во благо страны. Слово Айтолды неразрывно слито с делом, он прозорлив и неиссякаем в нахождении путей обустройства государства. Насколько близок этот герой Юсуфу, насколько тесно корреспондирует он с интеллектуальным и духовным настроем самого поэта, показывает портретная характеристика, каковую дает Айтолды автор поэмы:

Еще молодой, был он кроткого нрава,
Разумный и сведущий, мыслящий здраво.
Был чуден его ослепительный лик,
Он мягок был речью, правдив на язык.
Обучен бессчетным умениям и знаниям,
Он к делу умел применять их со тщаньем.

Естественно, человек с такими данными уготован к высокому призванию, необычна поэтому и жизненная стезя Айтолды. Денно и ночью, бессменно и непрерывно находится он на своем посту и достигает желаемого: страна при нем восходит на вершину благоденствия. Однако истинная суть, настоящая природа Айтолды несколько иные, что находит отражение опять-таки в его имени. Айтолды – Полная Луна, Полнолуние – имя-символ. О подлинном значении статуса героя в поэме и полисемичности имени его мы узнаем в главах, в которых «Повествуется о том, что сам Айтолды есть Счастье» и «Айтолды рассказывает элику о свойствах Счастья».

В образе Айтолды в полной мере развит концепт счастья, имеющего наиважнейшее значение в жизни человека. Счастье дифференцируемо на личное, индивидуальное, находящее свое выражение в таких сферах его экзистенции, как любовь, семья, профессиональная деятельность, дружба, и общее, всенародное. Катализатором всенародного счастья становятся мирные акции правителей, направленные к реализации благородной цели поднять свой народ, укрепить могущество своего государства. Но какие бы самобытные формы проявления счастье не имело, есть в нем всегда один недостаток, один изъян: счастье – изменчиво, непостоянно, не сумеешь удержать его – останешься ни с чем. Разъясняя суть имени Айтолды, поэт вновь обращается к образной аналогии, подвигающей читателя воочию вообразить, представить изменчивый нрав счастья.

Счастье – подобно луне: оно то полнится, то убывает, его надобно уметь беречь, ценить, лелеять. Вне счастья человеческое существование весьма печально и даже безысходно. Поэтому поэт предостерегает людей от оплошностей, бездумного отношения к дарованным жизнью благам. Ай-толды умирает из-за тяжелой болезни, и это, как видим, не случайно, но благородных рук его дело продолжает наследник и восприемник – сын Огдюльмиш. Минорная пульсация ритма повествования в дальнейшем сменяется обнадеживающей читателя интонацией.

Краеугольным камнем воздвигнутого поэтом философского здания, наряду со справедливостью и счастьем, становится человеческий разум, ум. Если иметь в виду, что изображению деятельности Огдюльмиша, олицетворяющего эти категории, посвящена значительная часть поэмы, что многие философские, этические, социальные, правовые, религиозные, бытовые и прочие проблемы освещены прежде всего с позиции воззрения именно этого героя, то мы не ошибемся, сказав, что Юсуф Баласагуни возлагал большие надежды именно на человеческий разум. В своей поэме он воздвиг Разуму памятник, подняв его к порогу высокого культа. И в этом проникновенно страстном отношении к Разуму он был близок к великому Ибн Сина, философу рубежа X–XI вв., воспевавшему в своих трактатах власть Разума. Был ли знаком Юсуф Баласагуни с трудами Ибн Сины, мы не знаем, но думается, что в мировоззрении гениальных личностей в силу именно гениальности и величия их мысли возможны закономерные переклички, роднящие их друг с другом.

Способность Разума охватывать многие и многие сферы Познания и Логоса, способность ума проникать в тайники мира и души человеческой наглядно демонстрирует Огдюльмиш, утверждая: Разумный над всеми возвысится разом:/ Глава многим добрым достоинствам – разум.

Поэт сравнивает человека с домом, окутанным тьмой, разум – со светом, способным озарить этот дом. Разум неумолимо влечет к познанию, а «от знаний – величие, честь и почет». Чем человек отличен от скота? Умом, знаниями.

Людей от скотов отличает познание,
Кто знанием возвышен – могуч он и дланью,
Будь мудр и учен – со скотом не равняйся,
Равняй свою речь по уму и по знанью! –
призывает поэт устами героя. Разъясняя сущность ума, он утверждает:
Ум – светоч во тьме и глаза – для слепого,
Он – телу душа, бессловесному – слово.

Где нет ума, говорит герой, «там и сердце мертво». Бесстрастный, холодный, расчетливый ум – не панацея от бед, напротив – источник страданий. Только обогащенный добросердечием, живым чувством, исторгнутым из сердца человеческого, ум приносит Благо. Только такой ум рождает благие деяния. Огдюльмиш – носитель именно этого рода ума, и не случайно под власть обаяния его ума целиком подпадает Кюнтогды.

Следовательно, герою присущ не холодный, рационально мыслящий ум, напрочь отвергающий сомнения. Напротив, именно ему свойственно чаще, чем другим героям поэмы, испытывать душевный дискомфорт. Ум его, беспокойный, мятущий, деятельный и добрый, не всегда удовлетворен и потому он подвержен сомнениям и депрессиям, мучительным раскаяниям.

Изображая диалоги Огдюльмиша и Кюнтогды, поэт преследует две цели: с одной стороны, он развивает культуру диалогового спора, с другой – утверждает бессмертие ума человека. Ум Огдюльмиша весьма утончен и изощрен, в силу этого он в состоянии ответить на любые вопросы оппонента, касается ли это категории добра и зла, любви и человечности, сущности и свойств ума или же характеристик представителей тех или иных социальных сословий: высших, средних, низших. Огдюльмиш – образец высшей степени интеллекта и образованности, достоинств ума и гуманности и, по мысли автора, только такие личности способны решать государственные дела, вести народ к порогу благосостояния, их следует искать, находить и безо всякого сомнения привлекать к государственному управлению. Глубоко человеческая, деятельно умственная энергия Огдюльмиша стимулирует в художественном контексте синтез подлинно высокого поэтического и философски концептуального слова.

В концепции Юсуфа Баласагуни определенное место занимают и вопросы религии, поэт проповедует нормы ислама и его кодекса – шариата. Создавая образ Одгурмыша, посвятившего себя служению Богу, он выявляет себя сторонником суфизма в исламе – своеобразной школы восхождения к Создателю, на пути к которому основными спутниками человека являются аскетизм

и чистота помыслов. Не случайно, Одгурмыш отказывается от поста государственного деятеля, от мирских соблазнов. Все это – преграды в процессе духовной инициации адепта, избранника, в прохождении им школы посвящения. Образ Одгурмыша, по Юсуфу Баласагуни, воплощает еще один аспект оптимального жизнеустройства, но он неприемлем в массовом порядке, хотя и необходим как единичное проявление для гармоничного развития человеческого общества.

Одгурмыш – верный и стойкий последователь и приверженец клана божественных репрезентантов, выходящий на уровень высокой трансценденции. Посредством образа Одгурмыша поэт воплощает свои религиозно-этические взгляды, свое сокровенно-любственное отношение к Богу. Возможно, открывая целый ряд глав высоко комплиментарными посвящениями Всевышнему, он и следовал поэтической традиции тех лет, но в разделах, изображающих Одгурмыша, под спудом тонко оформленного дидактизма прослеживается глубоко личное, волнующее восприятие Верховного существа: поэт поистине любил Бога и сам был любим Им. И свое трепетное чувство он вкладывает в слова, речи Одгурмыша, которому свойственно в порыве страстного вдохновения воскликнуть:

Мне Бог – упование и смысл бытия,
Прибежище мне он и радость моя!

Если первые три героя выбирают тяжелый, чреватый путь служения людям, то Одгурмыш более чем тверд в выборе своего пути: служения Богу, не менее трудного, не менее тяжкого, ибо он требует полнейшей, безраздельной отдачи человеком всего самого себя.

Самозабвенная, всепоглощающая любовь к Богу – главный нравственный ориентир суфия на пути к постижению истины, слияния с Ним. Для того, чтобы преобразовать себя в настоящего адепта, поклонника Бога, жаждущего трансцендентного единения, он должен, по понятию Одгурмыша, пройти ряд ступеней очищения, суметь «сломить четыре преграды»: отринуть мир соблазнов, жить в формате аскезы, уничтожить бурлящие в тебе страсти, отдаться во власть любви к Всевышнему.

Но Одгурмыш не ратует вовсе за массовое служение Богу, ему ведомо, что не всем дано сломить эти преграды, что человек, выбравший столь нелегкую стезю, отличен от других силою духа и воли, убежденностью в своей избранности. Более того, Одгурмыш признает, что есть особая когорта людей, коим свыше вменено служить человечеству, воплотить, материализовать в физически осязаемые формы и парадигмы такие абстрактные понятия, как справедливость, счастье, человечность, оставить «по себе добрый след». Поэтому он напрочь откидывает сомнения обратившегося к нему за советом Огдюльмиша в целесообразности его деятельности и, направляя его на прежний – истинный для героя – путь, наставляет его мудрым тоном духовного наставника, Учителя:

Поверь, меж людьми человек – только тот,
Кто людям и пользу и благо несет.
Не служащий пользе – людьми не любим,
Кто служит ей, тот осчастливит народ!

Отстранившись от «мирских дел», государственной службы, считает мудрец-суфий, Огдюльмиш принесет своему народу только разлад и только вред.

В главах, где приоритет отдан образу Одгурмыша, естественно, особенно сильны религиозно-идеологические тенденции, получающие рельефное претворение в дихотомических картинах, стержневыми полюсами которых становятся: мир грядущий – мир бренный, вечный отец – смиренный раб, вечное – мирское, власть, величие – благие отличия, чистота – скверна, добро – порок, вечность – скоротечность и т. д., реминисценции, мифологемы, отражающие постулат о временном характере человеческой жизни. Смертным оказался и Одгурмыш, чистейшей души человек, возлюбивший со всею страстью души Бога, гуманист по призванию, проповедник человечности, утверждавший, что все «истые люди всегда человечны». Именно устами Одгурмыша Юсуф Баласагуни шлет призыв, звучащий апофеозом всей его художественной концепции:

О доблестный муж, человеческим пребудь,
Лишь так утвердишь человечности путь!

Поэт посредством образа Одгурмыша вдохновенно воспекает Бога – источника Любви, Счастья, Справедливости и Разума, высокой Человечности, которые являются в свою очередь движителями поэзии гуманизма, каковую представляет поэма «Кутадгу билиг». Вобравшая в себя наилучшие

достижения культурного мышления своей эпохи, поэма, таким образом, содержит величайшее откровение гениального представителя человечества. Генерируя сущностные проблемы бытия, кардинальные и непреходящие идеи человеческого разума, она остается, несмотря на свой возраст в 1000 лет, остроактуальной и необходимой и в наши дни. Такова, очевидно, судьба подлинно гениального творения.

Литература

1. Бейбитов М. С. Институт конституционного контроля в Республике Казахстан: эволюция и проблемы модернизации. – Алматы, 2005.
2. Баласагунский Юсуф. Благодатное знание. – М., 1983.

Национальная идея: метафизика, идеология, реальность?

Джунусова Ж. Х.

В конце XX в. вопрос о национально-государственных общностях, объединяющих их исторических образах и общей памяти оказался неожиданно актуальным, что связано, с одной стороны, с идеей единой Европы, с другой – с развалом социалистического блока.

Идея национального единства появляется в национальном сознании в переломные эпохи исторического развития, когда народ стоит перед необходимостью защищать и отстаивать свои национальные святыни и ценности, пространство своей идентичности от реальных внешних вызовов и угроз. Переходный период, когда еще не сформулированы новые задачи, нет ясности в понимании национальных интересов, или когда существующий режим власти самоутверждается, характеризуется кризисом национальной идентичности.

Практически на всем постсоветском пространстве началось удревление истории своего этноса, этногенез корректировался, ареалы первоначального расселения, языковых, культурных контактов и т. д. всемерно расширялись, возникло этническое мифотворчество. Эта понятная реакция на былую несправедливость означала одновременно поиск национальной идеи.

Любая национальная идея представляет собой емкую, но в то же время предельно сжатую формулу, из которой разворачивается базовая идеологическая концепция, определяющая жизнь государства, общества, граждан на длительную перспективу. Важнейший вопрос: кто формулирует национальную идею?

Процесс формулирования национальной идеи в Республике Казахстан начался с обретения независимости. Самые разные субъекты политического процесса в начале 1990-х годов заявили о своей заинтересованности в ее обсуждении. Формирующееся гражданское общество активно участвовало в дискуссиях наряду с государством, но в результате национальная идея в том виде, который бы удовлетворил основных участников обсуждения, так и не была найдена. Это связано с тем, что поиск основ национального единства является многосторонним и противоречивым процессом. Если наука и искусство призваны ответить на вопрос: «Какие мы?», «Чем отличаемся от других?», то политику интересует скорее: «Что делать?» и «Как жить?». Иначе говоря, эти сферы оперируют качественно разным знанием об одном и том же объекте. Отсюда – затруднения в прочтении задач и возможностей идеи национального единства.

Особенность демократической модернизации Республики Казахстан состоит в том, что все важнейшие политические инициативы исходят «сверху», отражая активность, динамику политической системы. Так и в случае с государственной идеологией. Ее формирование не стало одномоментным актом, с развитием демократических политических институтов, рыночной экономики происходило становление и государственной идеологии. Существовало понимание, что это не есть статическое качество политики. Идеологии укоренены в бытие и эволюционируют вместе с ним, в свою очередь, воздействуя на социальную действительность.

Основой государственной идеологии является Конституция. В соответствии с Конституцией Республики Казахстан 1995 года Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его права и свободы.